

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. В. Валеров

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Социально-экономическая проблематика, в том числе вопросы финансовых отношений, издавна привлекали пристальное внимание исследователей. Если в середине XIX — начале XX в. изучение истории русских финансов только набирало обороты и финансовые отношения в Древней Руси рассматривались лишь как предпосылки для становления собственно финансовой системы России¹, то в советское время, начиная с 1930-х годов, в поле зрения специалистов находились такие экономические вопросы, как развитие частного землевладения и классовой эксплуатации в период феодализма². Собственно вопросы финансовых отношений в Древней Руси не получили подробного освещения. Понятие финансов в основном сводилось к таким категориям, как формирование и использование денежных и натуральных фондов в интересах государства. Поэтому внимание исследователей, как правило, привлекала система налогообложения³. Что касается работ, посвященных непосредственно становлению финансов в средневековой России, то зачастую отсчет истории финансов начинался со времени XV–XVI вв., т. е. с момента создания Русского централизованного государства. Тем самым фактически отрицалось наличие каких-либо финансовых отношений в древнерусский период⁴.

1980–1990-е годы отмечены появлением работ, затрагивающих различные аспекты финансовых отношений в Древней Руси. Одни авторы, характеризуя развитие в IX–XIV вв. ремесла и торговли, отмечали и развитие денежно-кредитных отношений, регулировавшихся существовавшим законодательством — Правдой Русской⁵.

Алексей Валентинович ВАЛЕРОВ — канд. ист. наук, доцент. Окончил исторический и экономический факультеты СПбГУ. В настоящее время доцент кафедры источниковедения исторического факультета и кафедры теории кредита и финансового менеджмента экономического факультета СПбГУ. Область научных интересов — история публичных финансов, теоретические и практические аспекты функционирования рынка ценных бумаг, теория и практика источниковедения. Автор ряда научных публикаций (в том числе монографии), посвященных эволюции общественного строя России, особенностям развития финансовых институтов и системы государственных финансов средневековой Руси. Лауреат первой премии 1999 г. конкурса молодых ученых СПбГУ.

Другая группа исследователей обратилась к изучению налогов и налоговой системы (в том числе в Древней Руси), рассматривая налоги как важнейшую составляющую финансовой политики государства. Так, в лекционном курсе С. А. Козлова и З. В. Дмитриевой под налоговой системой подразумеваются все взимаемые государством налоги, сборы, платежи, которые используются для финансирования государственных расходов, т. е. обеспечивают нормальное функционирование бюджетной политики⁶. В коллективной монографии по истории русских налогов достаточно подробно дана характеристика древнейших видов налогов, к которым относятся дань и полюдь; показана эволюция в X–XIII вв. регулярных и чрезвычайных, прямых и косвенных налогов; подчеркивается факт взимания налогов и пошлин государственными чиновниками в казну как в натуральном виде, так и в денежной форме⁷.

Отдельные исследователи сосредоточили внимание на вопросах, касающихся зарождения в Древнерусском государстве кредитно-денежной системы. В частности, Ю. В. Базулин пишет о существовании на Руси до середины XVI в. особого, так называемого «монастырского» периода, когда в условиях низкого уровня развития производительных сил банковские отношения и кредит имели архаическую форму, развивались при «индифферентности» государства к этому процессу, что порождало соответствующие кредитно-финансовые институты: банковские функции взяли на себя монастыри, где хранились натуральные запасы. Государство же вмешивалось в кредитные отношения, устанавливая размер процентных ставок по ссудам и сроки выплаты долга⁸.

Среди исследований, опубликованных в последние два десятилетия, особо следует выделить монографию Б. М. Сабанти, посвященную развитию русских финансов в эпоху феодализма. Автор рассматривает финансовую систему во всем многообразии форм организации денежных отношений в процессе распределения совокупного общественного продукта. Среди важнейших элементов древнерусских финансов Б. М. Сабанти называет налоговые, денежные, кредитные отношения, которые формировались и развивались в условиях феодальных производственных отношений, что способствовало укреплению государства в целом на протяжении X–XIII вв.⁹

Таким образом, в современной исторической и историко-экономической литературе не только обозначены приоритетные (в условиях сегодняшней общественно-экономической ситуации и в контексте произошедшего отказа от некоторых устаревших научных представлений) направления в изучении финансовых отношений в Древней Руси, но и раскрыто содержание отдельных составляющих финансовой системы соответствующей эпохи. Немаловажное значение отводится и роли налогообложения как структурообразующей компоненте в формировании финансовой системы, что обуславливает необходимость подробно рассмотреть данный вопрос с привлечением свидетельств древнерусских источников.

В процессе политогенеза, на начальных стадиях существования государства, складывается в зачаточных формах и финансовая система. Важнейшей задачей государственного аппарата становится организация регулярных доходов казны. В Древней Руси материальное обеспечение публичной власти первоначально осуществлялось посредством такого института, как полюдь, которое соединяло в себе экономические, политические, судебные, религиозно-ритуальные, символические и другие функции. Полифункциональность комплекса полюдь в социальных системах в период их перехода к феодализму раскрыта в исследованиях Ю. М. Кобищанова¹⁰. В то же время полюдь неправомерно рассматривать как явление, характеризующее рентные отношения.

Основное содержание этого института находится в плоскости ритуально-символических и социальных отношений эпохи родоплеменного строя¹¹.

В ходе полюдьа устанавливалось достаточно регулярное, регламентированное в силу обычая изъятие прибавочного продукта. При этом князь не только «кормился» сам со своей дружиной, но и производил перераспределение (редистрибуцию) полученных товаров и изделий.

О полюдье у восточных славян известно из разных источников. Это сведения Повести временных лет, византийского императора Константина VII Багрянородного, арабского ученого-энциклопедиста Ибн Русте. Данные этих источников относятся к X в. и показывают, что первоначальная и наиболее живучая роль полюдьа — одаривание, а точнее — содержание князя и его окружения во время ежегодного осенне-зимнего объезда подвластных территорий. Изымаемый во время полюдьа прибавочный продукт приравнивался «к угощению гостя гостеприимным хозяином в обществе, где свято соблюдался обычай гостеприимства, и это угощение соединялось с жертвоприношением богам и духам...»¹². В данном контексте интересно известие восточного автора конца IX — начала X в. Ибн Русте, согласно которому «царь ежегодно объезжает их (славян. — А. В.). И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год»¹³.

В сообщении Ибн Русте исследователи справедливо усматривают именно описание древнерусского полюдьа¹⁴. Одно из значений термина «платье» — «подношение», «подарок»¹⁵. Если принять подобное истолкование, то, следовательно, у восточных славян сбор дани происходил в форме одаривания подданными своего правителя, что свидетельствует, помимо прочего, о религиозно-ритуальном значении полюдьа. Вопрос о соотношении полюдьа и дани является среди специалистов дискуссионным. Те, кто выступает категорически против отождествления этих понятий, различает их по следующему принципу: дань — поборы с покоренных, «примученных» племен, явление «внешнее», а полюдье — объезд «своих» территорий, сопровождавшийся добровольными жертвованиями, дарами, т. е. явление «внутреннее»¹⁶. По мере развития древнерусской государственности полюдье «теряло архаическое религиозное содержание» и «вместе с тем превращалось в княжеский сбор, приближающийся к налогу»¹⁷. Тем самым подобная позиция по сути сближается с точкой зрения тех исследователей, которые выделяли в полюдье помимо прочих и фискальную составляющую — сбор дани / налога.

Постепенно важнейшей функцией полюдьа становится именно экономическая. Если первоначально полюдье — это «дар», «подношение» (аналогичное польскому «*goszczenie*», англо-саксонскому «*feogm*»¹⁸), то по мере развития социально-политических отношений в восточнославянском обществе традиционное значение полюдьа отступило на задний план. Первостепенное место занимало уже именно изъятие прибавочного продукта в виде даней. И коль скоро дары и дани собирались не с «примученных» соседей, а со своих соплеменников, то их необходимо рассматривать как подать или налоги¹⁹. Можно предположить, что размер этих налогов уже был фиксирован, а периодичность их взимания — регламентирована. Нарушение порядка уплаты («устава») и величины собираемой дани («уроков») приводили к социальным потрясениям внутри восточнославянского общества²⁰. Нормирование дани сопровождалось установлением определенных мест ее сбора²¹, что можно рассматривать как упорядочивание механизма изъятия налогов и системы налогообложения в целом. Часть собранных налогов, в основном благодаря редистрибуции, использовалась на общественные нужды.

Определенное количество налогов шло в пользу князя и его администрации, формируя в зачаточных формах доходную часть государственного бюджета²². Таким образом, в процессе складывания государственно-политической структуры происходило формирование круга источников для материального обеспечения публичной власти, утверждались способы и масштабы мобилизации денежных средств.

На протяжении X в. архаический институт полюдья эволюционировал в такие явления древнерусской жизни, как кормление и дань — подать. Конкретное содержание восточнославянского и древнерусского данничества остается до конца невыясненным. Ряд вопросов, связанных с эволюцией дани на Руси в IX — начале XIII в., является предметом достаточно острой полемики. Анализ обширной историографии по соответствующей тематике позволяет выявить два основных момента: 1) как соотносятся друг с другом дань «внешняя» — контрибуция и дань «внутренняя» — налог / подать; 2) что по существу представляла дань в XI–XII вв., т. е. в период уже сложившегося государства.

На заре русской исторической науки было высказано мнение о том, что основное значение дани, упоминаемой в русских летописях, — регулярные сборы с княжеских подданных²³. Но уже в середине — второй половине XIX в. большинство исследователей склонялось к мысли о том, что первоначальное и важнейшее содержание института дани — военная контрибуция с побежденного противника (племени, государства)²⁴. В то же время отмечался важный момент: дань — контрибуция впоследствии (по мнению большинства авторов — в X в.) эволюционировала во внутренний сбор и превращалась в регулярно собиравшийся налог, поземельный «оброк»²⁵. Следует отметить, что при этом большинство специалистов в той или иной степени склонялось к выводу об упорядоченности и количественной определенности дани, а также ее натуральном (или преобладании натурального над денежным) содержании²⁶.

В отечественной историографии советского периода изучение данничества у восточных славян шло в основном в рамках разработки и утверждения концепции о феодальном характере Древнерусского государства. Широко распространенным было мнение о том, что дань стала материальным выражением власти киевских князей над всеми подчиненными им восточнославянскими (и неславянскими) племенами, которые проживали на территории раннесредневекового русского государства²⁷. По мере укрепления в древнерусском обществе феодальных отношений, в том числе в процессе распространения верховной княжеской собственности на землю, дань становилась феодальной рентой²⁸.

Во второй половине XX в. были высказаны альтернативные взгляды на дань и ее значение в системе общественных отношений. Традиционное представление о Киевской Руси как феодальном государстве было отвергнуто. Под сомнение был поставлен и сам факт существования в конце IX — начале XIII в. единого государства, на территорию которого распространялась власть киевского князя. В связи с этим дань лишается своего не только рентного содержания, но и характера регулярного внутреннего налога — подати в пользу государства. Дань, скорее, — результат отношений господства–подчинения между различными этнополитическими образованиями, выплата побежденных победителям, по сути — контрибуция. При этом различают дань внешнюю (например, дань, собиравшуюся русскими князьями во время или после походов на Византию; дань, взимающуюся хазарами с «примученных» ими славянских племен) и дань внутреннюю, которую платили полянам покоренные ими другие восточнославянские племенные союзы, включенные в огромный суперсоюз с центром в Киеве под властью киевских князей²⁹.

Так или иначе, очевидно, что первоначальное значение дани — военная контрибуция. Однако уже в IX — X вв., в условиях восточнославянского политогенеза, дань, собираемая

киевскими князьями на подвластных им территориях во время полюдья, уже носила черты примитивного налога. С образованием Древнерусского государства происходит упорядочивание сбора дани: «Первые налоги постепенно распространяются на все население, параллельно устанавливается определенный порядок сбора»³⁰. Представляется, что дань в значении контрибуции — явление более архаичное, чем полюдье, а дань в значении примитивного налога, возможно, возникла одновременно с комплексом полюдья, являясь его составным компонентом, раскрывающим экономическое содержание полюдья.

Складывание системы налогообложения и существенных условий финансовой системы в целом подразумевало, что в княжеской казне накапливались значительные материальные богатства. В силу своей недостаточной развитости государственные финансы того времени не могут быть охарактеризованы как отношения исключительно денежные. Это объясняется тем, что производственные отношения раннесредневекового периода преимущественно носили натуральный характер. Вместе с тем не следует и архаизировать общественно-экономический строй Киевской Руси. Представляется, что налоги собирались как в натуральном виде, так и в денежной форме, хотя, видимо, по-прежнему широко распространенными оставались вещные денежные знаки, в качестве которых выступали меха, скот, зерно.

В отношении еще одной важной формы существования публичных финансов высказано мнение, что при архаическом, натуральном уровне развития финансов в Древней Руси система кредитования также носила натуральный характер, кредитные операции «могли быть исключительно заемными». Это значит, что соответствующие кредитно-финансовые институты должны были не только иметь возможность оперировать значительными суммами вещных денег, но и «обеспечивать их безопасное хранение»³¹. Соглашаясь по существу с данной точкой зрения, трудно присоединиться к следующему за тем выводу о том, что удовлетворять всем требованиям могли главным образом монастыри, которые «выполняли различные кредитно-финансовые операции» при приоритетной функции сбережения³².

Прежде всего, необходимо заметить, что княжеская (государственная) казна хранилась на княжеских дворах, представлявших собой сложные многофункциональные административно-хозяйственные комплексы. Находившиеся всегда под рукой материальные ценности могли быть в случае необходимости использованы в самые короткие сроки. Широко известны сообщения Повести временных лет — основного письменного источника по истории Древней Руси до начала XII в. — о княжеских раздачах значительных сумм в экстренной ситуации. Так, князь Святополк после смерти Владимира Святославича в 1015 г., желая привлечь на свою сторону киевлян, «нача даяти имъ именье»³³; почти сразу потребовались повторные затраты — и Святополк вновь «созвавъ люди, нача даяти овемъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество»³⁴. Очевидно, что все княжеские богатства хранились в Киеве, на княжеском дворе. Об этом однозначно свидетельствуют многочисленные сообщения летописей о разграблении дворов во время усобных столкновений или городских восстаний. Показательно в этом плане известие Повести временных лет о Киевском восстании 1068 г. Киевляне, изгнавшие князя Изяслава Ярославича и посадившие на княжеский стол Всеслава Брючиславича, «дворъ жь княжь разграбиша, бецисленое множество злата и сребра, кунами и белью»³⁵. Итак, именно княжеский двор, а не монастырь являлся хранилищем государственной казны.

Доля княжеских доходов, известная как десятина, отчислялась в пользу церкви в качестве обеспечения материальных условий ее деятельности³⁶. Для периода XI–XIII вв.

источниками церковных доходов преимущественно являлись десятая часть от княжеской дани, передача князьями монастырям права сбора дани и других волостных доходов, десятина от княжеских торговых пошлин (доходов от внешней и внутренней торговли), а также судебная практика церковных иерархов³⁷. Что касается практики участия монастырей в ссудных операциях, то условия для ее широкого и стабильного развития складываются не ранее второй половины XIV — первой половины XV в., когда переход ряда монастырей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси к общежитийному уставу стал благоприятствовать коллективному стяжательству. Доходы от земельных владений приводили к постепенному накоплению денежных средств в руках монастырских властей, что создавало возможность для кредитной сделки и извлечения выгод.

Материальные блага, оседавшие в княжеской казне, создавали объективные предпосылки для предоставления денег или иных вещей в форме ссуды. Об этом недвусмысленно свидетельствует важнейший памятник древнерусского законодательства — Правда Русская. В ее Пространной редакции статьи с 47-й по 55-ю посвящены вопросам кредитования. В статье 55-й рассматривается порядок возвращения долга: «паки ли будут княжи купы, то княжи куны первое взяти, а прок в дел»³⁸. В качестве займодавца выступает не конкретный князь, а князь как представитель государственной власти. Следовательно, речь идет не о князе как о частном кредиторе, а о движении ссудного капитала в форме государственного кредита. Княжеский интерес к вопросам кредитной политики свидетельствует об участии государства в отношениях займа и предоставлении ссуд из доходов казны на нужды частных лиц.

В 1113 г. во время очередного восстания в Киеве среди прочих пострадали и еврей-ростовщики: «Кияни же разьграбиша дворь Путятинь, тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я»³⁹. Начиная с работ Б. Д. Грекова⁴⁰ в отечественной историографии закрепились точка зрения, согласно которой именно с Киевским восстанием 1113 г. было связано издание «Устава Владимира Мономаха», вошедшего в состав Пространной Правды и затронувшего, помимо прочего, вопросы, связанные с кредитованием. Важнейшим постановлением в этой области стало ограничение ставки ссудного процента (статьи 51, 53 Пространной Правды).

В статье 51 говорится: «А месячнии рез, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячнии рез погренути»⁴¹. Таким образом, в случае краткосрочного кредита допускался «рез» (процент от кредитной ставки), а при погашении долга более чем через месяц «месячный рез» уже не взимался, уступая место другому проценту (возможно, речь идет о «третном», т. е. на четыре месяца, сроке кредитования).

В статье 53 записано, что Владимир Мономах со своими мужами «уоставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возьметь два реза, то то ему взятии исто; паки ли возьметь три резы, то иста ему не взятии. Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»⁴². В данной статье устанавливалась максимальная процентная ставка — 50%. Следовательно, двойной «рез» полностью покрывал «истое», т. е. первоначальную сумму кредита.

Не исключено, что четкая регламентация размеров процентной ставки частного кредитования соотносилась с ценой государственного кредита. Иначе говоря, княжеская власть в лице Владимира Мономаха определяет курс на жесткую кредитную политику и организацию всей системы кредитных отношений под контролем государства.

Рассмотренные в настоящем исследовании источниковые материалы позволяют в общих чертах реконструировать основные этапы становления и развития финансово-кре-

дитной системы в Древнерусском государстве. Данная система, восходящая корнями к эпохе позднепервобытного строя, эволюционировала по мере развития процесса политогенеза восточных славян. Доходная часть бюджета древнерусского княжеского аппарата сначала формировалась за счет дани-контрибуции. Впоследствии институт дани был включен в систему полюдья и приобрел черты регулярно собираемого налога. Используя отлаженный финансовый механизм, княжеская власть не только изымает материальные ценности у подвластного населения, но и начинает участвовать в кредитных операциях. Кредитная политика становится одной из важнейших составляющих финансовой политики в целом. Отношения кредита–займа свидетельствуют о развитых денежных отношениях. На основании имеющихся в распоряжении исследователей источников (Правда Русская, летописи и др.) определяется наличие в Древней Руси таких элементов кредитных отношений, как сделка, имущественный иск, прекращение обязательств по сделке, договор комиссии, дача денег и товаров в рост, т. е. натуральный и денежный кредит, взимание процентов по кредитной ставке. Все это позволяет говорить как о существовании достаточно развитой системы финансов, так и о высоком уровне экономических отношений в целом в Древнерусском государстве домонгольского периода.

¹ Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1834; Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины имп. Екатерины. СПб., 1848; Заблужный М. П. О ценностях в древней Руси. СПб., 1854; Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866; Лебедев Н. А. О деньгах, обращавшихся в России с 862 по 1663 год. СПб., 1876; Черневский П. О. Указатель материалов для истории торговли, промышленности и финансов в пределах Российской империи с древнейших времен до конца XVIII ст. СПб., 1883; Шумаков С. А. Древнерусские косвенные налоги // Сборник правоведения. СПб., 1897. Т. VII; Янжул И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. СПб., 1904.

² Греков Б. Д. 1) Очерки по истории феодализма в России: Система господства и подчинения в феодальной деревне М.; Л., 1934; 2) Избранные труды. М., 1959. Т. II; Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963; Черетин Л. В. 1) Общественно-политические отношения Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черетин Л. В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; 2) Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М., 1972; Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

³ Так, в одной из последних обобщающих работ С. И. Сметанина разбираются вопросы о трансформации в условиях становления и укрепления феодальных отношений дани от полюдья к сборам «от дыма» и «от рала», полюдья – в корм, и лишь констатируется наличие в Киевской Руси «купы» – ссуды, т. е. зачатков кредитных отношений (Сметанин С. И. Экономическая история России периода феодализма. М., 1990. С. 6–10).

⁴ Каптанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988; Ицкович Б. Ф. Становление финансовой системы России (XV – начало XIX века). Екатеринбург, 2002.

⁵ Сметанин С. И. История предпринимательства в России. М., 2004. С. 25; Гуляева В. В. Развитие предпринимательства в древнерусском государстве (IX–XII века). Владимир, 2000. С. 160–165.

⁶ Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 2001. С. 5.

⁷ Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццло М. К. История налогов в России. IX – начало XX века. М., 2006. С. 8–18.

⁸ Базулин Ю. В. У истоков банковской системы России // Финансовый мир. М., 2006. Вып. 3. С. 378–384.

⁹ Сабанти Б. М. Развитие финансов и финансовой науки в России (период феодализма). Иркутск, 1986. С. 25–32.

¹⁰ Кобищанов Ю. М. 1) Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; 2) Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

¹¹ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 449, 468, 473, 483.

¹² Кобищанов Ю. М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. С. 247.

¹³ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 277–279; Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22–26.

¹⁵ Захoder Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 124.

¹⁶ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). С. 450, 458–459, 467.

¹⁷ Там же. С. 483.

¹⁸ Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. С. 237.

¹⁹ История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 245.

²⁰ Повесть временных лет передает известный сюжет об убийстве в Древлянской земле киевского князя Игоря, пытавшегося произвольно увеличить размер взимаемой дани, а также о последовавшей затем расправе над древлянами (Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 26–27).

²¹ См. об этом: Зими А. А. Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 240–242; Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 78–79.

²² Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. С. 49.

²³ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 24, прим. 81; Т. IV. С. 398, прим. 97; Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 104–105.

²⁴ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 33–34, 48; Кури В. О прямых налогах в Древней Руси // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. Казань, 1855. С. 125–126; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 183–184.

²⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1905. С. 83; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 184, 186; Максимова Н. А. Лекции по истории русского государственного права. Харьков, 1910. С. 7.

²⁶ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право... С. 43–44. Прим. 11.

²⁷ Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1945. С. 52–53; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 43; Пауто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. С. 87.

²⁸ Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X–XI веках // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 135–138; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 30; Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период // Вестн. Моск. ун-та. 1968. Сер. IX. История. № 1. С. 61; Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности... С. 151–153.

²⁹ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян... С. 279, 302, 374, 376, 404, 412, 442–443, 447–448 и др.

³⁰ Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К. История налогов в России. С. 10.

³¹ Базулин Ю. В. У истоков банковской системы России. С. 378–379.

³² Там же. С. 379.

³³ Повесть временных лет. С. 58.

³⁴ Там же. С. 62.

³⁵ Там же. С. 74.

³⁶ По сообщению Повести временных лет, такую практику в централизованной форме установил Владимир Святославич после постройки в Киеве церкви св. Богородицы (Там же. С. 55).

³⁷ Щанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–83; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 185–197.

³⁸ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты. С. 25. — В древнерусских письменных источниках домонгольского периода термин «куна» постоянно употреблялся в значении денежно-весовой единицы и реже — как обозначение меха куницы. Первоначальное содержание куны — это стоимость шкурки куницы — около 8 г серебра, что составляло 1/25 часть гривны весом в 204 г. В эпоху Пространной Правды, т. е. в XII–XIII вв., кунa весила 1 г серебра и обозначала 1/50 фракцию гривны (Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 6, 40–42, 77–78).

³⁹ Повесть временных лет. С. 126.

⁴⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1939. С. 116.

⁴¹ Правда Русская. Т. I. С. 24.

⁴² Там же.